

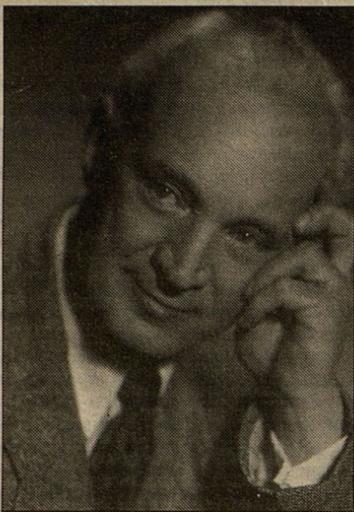

Здрав и сцена -
1998. - нояб. (№45) -
9/16

Добрый вахтанговский “Домовой”

24 ноября исполняется 100 лет со дня рождения народного артиста
России – Виктора Григорьевича Кольцова.

Павел ЛЮБИМЦЕВ

Вспоминает заведующий кафедрой истории театра и кино РГГУ Вадим Гаевский:

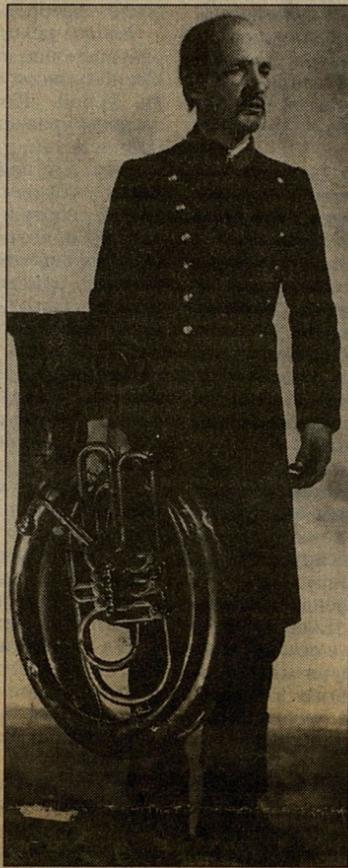
“Мадмуазель Нитуш” я видел двенадцать раз! Это был мой безмерно любимый спектакль – с несравненной Галиной Пашковой в главной роли. Виктор Григорьевич Кольцов вел в нем какую-то особую мелодию, которую я с удовольствием вспоминаю и сегодня, много лет спустя.

Для роли юного повесы он был чуть-чуть староват. Дело было даже не в годах, а в том, что он был – из другого возраста. И кроме того, первым любовником Вахтанговского театра Кольцов никогда не был, он всегда играл характерные роли. Я, например, помню его и Бориса Шухмина в ролях стражников Киселя и Ключвы в шекспировском “Много шума из ничего”; то, как они там целовались и потом плевались, – это был номер почти клоунский!

В роли Шамплотре Кольцов почти не гримировался, он не старался выглядеть двадцатилетним юношей и не пытался изображать страсть. Он как бы показывал своего бравого лейтенанта; показывал, чуть смущаясь; пел куплеты с извиняющимися интонациями (а голосом-то владел превосходно! – до Вахтанговской студии он учился в консерватории). Словом, он как будто заменял некоего молодого романтического исполнителя в срочном вводе на роль.

Все это было бесконечно обаятельно и заставляло весь зал горячо ему сочувствовать. Разумеется, Кольцов делал все, что полагалось делать в роли молодого влюбленного, но немножко он и играл и артиста – “папочку”, изображавшего очаровательного нахала. В этом было и актерское хулиганство: “А почему бы и не я?!”

Актерская работа Виктора Кольцова не терялась даже в соседстве с изумительными комиком, блиставшими в “Нитуш”, – Евдокией Понсовой и Анатолием Горюновым, ибо роль Кольцова была окружена дополнительными смыслами. Это было то самое пресловутое, многократно обруганное критикой ироническое отношение артиста к играемому образу, – не по-брехтовски резкое, а

мягкое, необычайно милое, – истинно вахтанговское.

Виктор Григорьевич Кольцов пришел в театр в 1928 году. Он принадлежал к тому поколению старших вахтанговцев, которые поступили в студию после смерти Евгения Богратионовича. Однокурсниками Кольцова были Михаил Степанович Державин и Дмитрий Николаевич Журавлев, который в своей книге отозвался о Викторе Григорьевиче так: “Кольцов владел мягчайшими красками. В юморе он был серьезен, ненавязчив, тонок и буквально поражал своей музыкальностью, фантазией, артистизмом. Он стал профессором Щукинского училища и до конца своей жизни много времени и сил отдавал работе с молодежью”.

Рассказывает выпускник Щукинского училища, ныне профессор Владимир Иванов:

Уроки Виктора Григорьевича Кольцова, его училищные репетиции были замечательно “домашними”, теплыми, уютными. Все располагало к спокойному, подробному постижению задач, все казалось просто. При этом он был очень определен в оценках. Но замечания делал всегда мягко, с улыбкой. Например: “Миленький, миленький... Ты не кричи; врать надо тихонечко...” Или, – в ответ на предложение студента “поискать”: “А что же ты, миленький, хочешь там искать? Ты же туда еще ничего не положил...” Мне Виктор Григорьевич говорил: “Мотор у тебя хороший. Только тормоза – ни к черту. Ох, гляди, миленький, разобьешься...”

При всей своей образованности, при всем своем уме, Кольцов был на редкость наивным, по-детски доверчивым человеком. На нашем курсе он в 1970 году поставил дипломный спектакль “Блоха” по Н.С.Лескову. Спектакль шел с большим успехом. И вот, бывало, Виктор Григорьевич идет после спектакля за кулисы – довольный, сияющий. И вдруг встречает кого-то, кому спектакль – “не очень”. И вот уже наш профессор становится расстроенным, грустным. И замечания начинается с того, что “нельзя же так... Ну, что же это вы, ребята...” А бывало и наоборот, – радостное суждение зрителя могло заставить Кольцова совершенно забыть о замечаниях.

Два моих самых любимых педагога – Дина Андреевна Андреева и Виктор Григорьевич Кольцов (они, кстати, были совсем не похожи друг на друга – Андреева всегда кипела, бурлила и взрывалась!), – так вот, они оба были замечательно воспитаны, абсолютно по-актерски. В обоих жило понимание Театра как пиришества актерских решений, приспособлений, ходов, подробностей. Кольцов и режиссуру воспринимал прежде всего как педагогику. Помочь исполнителю выстроить образ, наполнить его жизнью, – это он видел главной задачей постановщика. И живыми актерскими находками своих учеников Кольцов ужасно гордился. Я играл в “Блохе” Царя. Не помню уже, сам ли я придумал или Виктор Григорьевич мне подсказал, но, всходя на трон, мой Царь долго вытирал ноги в валенках о половичок. Виктор Григорьевич эту актерскую “вапушку” обожал, радовался ей, как ребенок, и много лет вспоминал об этом. Причем, он же не просто трюк любил; он видел в этом живое проявление характера!

Если попытаться сказать о Викторе Григорьевиче Кольцове какое-то главное слово, получится вот что: Добрый Домовой Щукинского училища, – ласковый, любящий и мудрый.

Искусство старших вахтанговцев худо зафиксировано в кино и на телевидении (на радио – немножко лучше). Совсем ничего не сохранено из ролей Анны Орошко, Освальда Глазунова, Василия Ку-

зы, Дмитрия Дорлиака. Кинороли Цецилии Мансуровой, Рубена Сиимонова, Анатолия Горюнова, Евдокии Понсовой – крайне неадекватны их многогранному, сверкающему мастерству. Кольцову повезло чуть больше. Виктор Григорьевич довольно много снимался. Его киноработы (среди них есть и эпизоды, и большие роли) запоминаются прочно, – мягкость актерской манеры Кольцова – удивительно кинематографична, созвучна органике крупных планов.

“Светлым нежным мастером и превосходным работником” называет Виктора Григорьевича Эльдар Рязанов, сохранивший самые теплые воспоминания о том, как сыграл Кольцов дядюшку Азарова в знаменитой “Гусарской балладе”.

И старичок-сосед в фильме В.Квачадзе “Ночной звонок” (где играли Вера Марецкая и Борис Андреев), и Шарманчик в “Белом пуделе”, – очень заметная большая роль Виктора Григорьевича, и удивительный Князь Тверской в “Операции “Трест” Сергея Колосова (до Кольцова дворян-эмигрантов так не играли – его седобородый Князь, возвращавшийся на родину, не просто вызывал сочувствие; он по-новому раскрывал тему судьбы русской аристократии в эпоху революционных потрясений), – все эти роли хранят человечность, изящество и глубину кольцовского артистизма.

В блестящей истории Театра Вахтангова жизнь Виктора Кольцова звучит негромко и застенчиво. Но Боже мой! – как дорога эта негромкость! Как важно беречь память о тех больших артистах, которые прошли свой путь с достоинством и скромностью, которые более всего любили Театр и верно ему служили.

Особенно это важно сегодня, когда громоподобные “победы”, увещанные всяческими “хрустальными масками”, при ближайшем рассмотрении обнаруживают лишь два достоинства – беспомощность и наглость.

А ведь ощутить, что “служенье муз не терпит суеты” – совсем нетрудно. Можно, например, вспомнить Виктора Григорьевича Кольцова – доброго театрально-го “домового”.

Одухотворенного человека.

- Виктор Григорьевич Кольцов
- Трубоч. “Егор Булычев и другие”. 1932
- Шамплотре “Мадмуазель Нитуш”. 1944
- В.Г.Кольцов, Т.М.Шухмина и участники дипломного спектакля “Ревизор”. 1968.

О своих артистических позициях Кольцов говорил так: “У нас ведь в театре как было? Другие артисты все играют, играют... А Кольцов все – серенькой красочкой. А зритель доволен, зритель смеется. Хороший артист Кольцов!”

Удивительно то, что этот мягкий, смешной, органичный актер играл не только бытовых характерных героев, но и ослепительных романтических красавцев – Кристиана в “Сирано де Бержераке” и Лейтенанта Шамплотре – лирического героя оперетты Ф.Эрве “Мадмуазель Нитуш”.

Кольцов Виктор Григорьевич